
ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЕ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ В КОММУНИКАТИВНОМ ПОВЕДЕНИИ АМЕРИКАНЦЕВ И РУССКИХ

О.В. Маслова

Кафедра иностранных языков

Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова
ул. Трубецкая, д. 8, стр. 2, Москва, Россия, 119991

В статье рассматриваются теоретические посылки описания речевой агрессии в коммуникативном поведении американцев и русских и анализируются речевые акты агрессии на материале художественных произведений русской и американской литературы начала XXI в.

Ключевые слова: речевая агрессия, речевое поведение, речевой акт, коммуникативная норма.

Речевая агрессия, ставшая в настоящее время распространенным явлением в повседневной коммуникации, представляет интерес для современной лингвистики, рассматривающей данный феномен с точки зрения таких понятий, как «речевой акт» [7. С. 165; 5. С. 182; 18. С. 44] и «речевое поведение» [4. С. 108].

При описании речевой агрессии в процессе коммуникации лингвисты нередко за точку отсчета берут эмоциональное состояние адресанта, реализующего данную форму высказывания, что находит выражение в определениях данного понятия, указанных в ряде толковых словарей русского языка, например: «Речевая агрессия — это использование языковых средств для выражения неприязни, враждебности, манеры речи, оскорбляющей чье-либо достоинство» [15].

Таким образом, при изучении предмета нашего исследования лингвисты зачастую обращаются к проблемам психологии.

Однако с точки зрения коммуникативной лингвистики важно учитывать не только форму, но и цель высказывания, т.е. в процессе коммуникации агрессивность высказывания обуславливается такими факторами, как целевая установка адресанта, коммуникативная ситуация, знания и оценка адресантом и адресатом предмета речи. Основываясь на данных оценочных критериях речевой агрессии, исследователи выделяют *эксплицитную* и *имплицитную* агрессию, различаемые по форме выражения.

Под эксплицитной формой речевой агрессии понимают открытую форму речевой агрессии, «план содержания которой соответствует плану выражения в пределах одного высказывания» [18. С. 106].

В свою очередь, «имплицитная агрессия содержит скрытую негативную оценку к объекту высказывания» [12. С. 34].

Ввиду того, что базовыми критериями оценки речевой агрессии как формы коммуникации являются понятия «речевой акт» и «речевое поведение», представляется целесообразным дать определения двум указанным терминам.

В современных лингвистических словарях дается определение понятия «речевой акт» как определенного типа действия, обладающего свойствами целенаправленности и конвенциональности, к последней лингвисты относят правила, регулирующие поведение.

«Речевой акт — это целенаправленное речевое действие, осуществляемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе» [1].

Термин «речевое поведение» функционирует в разных разделах лингвистики — психо-, социо-, прагмалингвистики, в каждом из которых существуют определенные критерии оценки данного понятия.

Так, с точки зрения психолингвистики речевое поведение оценивается по целенаправленности, намеренности и наличию соответствующих языковых средств. «Это — эмпирически наблюдаемая, намеренная, адресованная коммуникативная активность индивида в ситуации речевого взаимодействия, связанная с выбором и использованием речевых и языковых средств в соответствии с коммуникативной задачей» [2. С. 190].

В прагма- и социолингвистике речевое поведение оценивается по конвенциональности: «Это — процесс выбора оптимального варианта для построения социально корректного высказывания» [16. С. 481]. «Это — совокупность конвенциональных (осуществляемых в соответствии с правилами) и неконвенциональных (осуществляемых по собственному произволу) речевых поступков, совершаемых индивидом или группой лиц» [6. С. 15].

И.А. Стернин относит понятие «речевое поведение» к более широкой категории — «коммуникативное поведение», — определяя последнее как «совокупность норм и традиций общения определенной группы людей» [14. С. 279—282]. Стернин выделяет два вида коммуникативного поведения, различаемые по форме выражения: «вербальное» (речевое) и «невербальное» поведение [14. С. 282].

Основываясь на данных концепциях, мы можем выделить три общих критерия оценки речевого акта и речевого поведения: 1) целенаправленность; 2) конвенциональность; 3) уровень языковой компетенции адресанта (выбор определенных языковых средств для достижения цели высказывания).

Обобщая критерии оценки речевой агрессии как речевого акта и речевого поведения, мы можем выделить следующие параметры ее описания:

— форма (способ оформления, производства и передачи информации: эксплицитные и имплицитные формы);

— целевая установка адресанта (воздействие на эмоциональное состояние и поведение адресата посредством ущемления его коммуникативных прав, в соответствии с намерением адресанта);

— коммуникативная ситуация (социальные роли и личностные установки адресанта и адресата, а также — обстоятельства);

— оценка каждым коммуникантом предмета речи.

Рассмотрим примеры речевой агрессии в коммуникативном поведении носителей двух лингвокультур: американской и русской.

К эксплицитным формам речевой агрессии в двух указанных лингвокультурах относятся инвективные единицы, выражающие оценку адресанта объекта высказывания, которые мы можем разделить на две группы:

1) единицы, указывающие на умственный недостаток, ср.: *blockhead, bonehead, clown, dupe, dorf, jerk* и т.п. (которые в американском варианте английского

языка, означают: «твердолоб», «тупица», «клоун», «дебил», «дурак», «придурак» и дурак (дура), балда, даун, дебил (в русском языке);

2) единицы, выражающие оценку поведения адресата. К числу последних в двух указанных лингвокультурах относятся лексические единицы, сравнивающие поведение человека с поведением животного, ср.: *animal, dog, fox* (в американском варианте английского языка), которые означают: «животное», «собака», «лиса»; *козел (коза), кобель, сучка, тварь* (в русском языке).

В американской и русской лингвокультурах также существуют гендерно-маркированные инвективные единицы второго типа, выражающие оценку как мужского, так и женского поведения, ср.: *basturd* — *ублюдок, стерва, зрымза* и т.п.

В двух указанных культурах инвектива также может выражаться в восклицаниях, ср.: “Wake up, Goddamn it!” [19. С. 25] «Проснись, черт побери!»; «*Это что же все происходит, черт побери!* Сначала я потеряла мужа, а теперь работу» [11. С. 82].

Другими формами, выражающими эксплицитную агрессию в двух указанных лингвокультурах, являются лексические единицы низкого стиля, а также акты негодования угрозы, подчеркивающие враждебное отношение к адресату, ср.: *Shut up!* (устная речь американцев); *Заткнись!*; «Тратиться на цветочки. Он таких вещей не ценит. Вы уж небось *втюрнулись* по уши» [3. С. 161].

В двух указанных примерах языковыми маркерами агрессии являются единицы, отражающие эмоциональное состояние адресанта: 1) ‘shut up — заткнуться’ и 2) «втюриться».

По нашим наблюдениям, основная функция акта негодования — это проявление негативных эмоций говорящего в процессе высказывания. Одной из форм, выражающих акт негодования в коммуникативном поведении русских, является вопросительное предложение, подчеркивающее негативную оценку адресанта к поведению адресата, например:

«Муж флегматично посмотрел на меня и пожал плечами:

— Бывает!

— *Что значит «бывает»?* И это все что ты можешь мне сказать после того, как я поведала тебе столько невероятных историй! — *разозлилась я*» [11. С. 114].

В коммуникативном поведении американцев акт негодования употребляется реже и в менее категоричной форме, ср.:

“You called me twenty minutes ago and said you had it! Ready to make delivery, you say! Come down and get it! And here you’re, you’re *wasting* my time, you’re *wasting* my wife’s time” [20].

«Двадцать минут тому назад ты позвал меня и сказал, что готово! *Ты сказал*, что готов мне это принести! Спустись и принеси это! И все же ты *тратишь*, именно тратишь, мое время и *тратишь* время моей жены».

Языковыми маркерами агрессии в приведенном примере являются глагол ‘waste — тратить’, отражающий негативную оценку адресанта к поведению адресата, а также вводная конструкция ‘you say — ты сказал’, которая усиливает эмоциональный оттенок высказывания.

К имплицитным формам речевой агрессии, функционирующим в коммуникативном поведении американцев и русских, мы можем отнести два вида речевых актов, различающихся по целенаправленности: 1) акты, выражающие скрытую критику адресата (ироническое замечание, упрек); 2) акты, модифицирующие поведение адресата в нужном для адресанта направлении за счет ущемления коммуникативных прав последнего, а именно незаинтересованность адресанта в намерениях адресата (требования, запреты, скрытая угроза).

В коммуникативном поведении носителей обеих лингвокультур ироническое замечание выражает враждебный намек, главным критерием отличия которого является интонация. Понятие «ирония» определяется как «форма высказывания, истинный смысл которого противоположен смыслу, напрямую выводимого из речевого оформления» [1, С. 75]. Другими словами, основная функция данной формы коммуникации — подчеркнуть негативное отношение адресанта к объекту высказывания в косвенной форме, ср.:

“When was it you quit? Actually, Ricky, I Think it was in 1977... A brave time to stop smoking. An era when many people lit right up without thinking. And there was so much else happening. Wars and riots, and scandals. I’m told it was a most wondrous time to be alive. But Ricky the young doctor-in-training managed to quit smoking when it was ever so popular. *That tells me something*” [21. P. 31].

«Когда же вы бросили курить? В самом деле, Рики, я думаю, это произошло в 1977 году... Время для смелого бросить курить. Это была эпоха, когда многие люди дымили, как паровозы. И тогда столько много других событий произошло: войны, забастовки и скандалы. Говорят, это было одно из самых удивительных времен для выживания. Но Рики, молодому врачу-практиканту, удалось бросить курить, когда это было настолько популярно. *Это мне кое о чем говорит*».

В коммуникативном поведении русских данная форма речевого общения зачастую функционирует как реактивная агрессия. Так, в следующем примере на ироничность высказывания указывает лексема «язвительно», ср.:

«Вы, гражданочка, лучше идите домой. Перрон — зона повышенной опасности. Вот двинется состав, оторвет вам голову, и кто отвечать будет? Конечно, дежурный Гаврилов. А дежурному Гаврилову больше делать нечего, как следить за барышнями, которые решили в Анну Каренину поиграть,» — грозно сказал милиционер.

«Мне и так сегодня голову оторвут, и, к вашему сведению, Анна Каренина легла на рельсы, а я на перрон,» — *язвительно* заметила я [11].

Одной из общих форм, выражающих скрытую угрозу носителями обеих культур, является тактика умалчивания, ср.:

“Now, you’ll have to get out into the world and do something. Otherwise... well, *let’s not think of the otherwise*” [21. P. 36].

«А теперь, вам нужно выйти в люди и что-то предпринять. Иначе... что ж, давайте, *не будем думать о последствиях*».

«Отдайте дискету по-хорошему, а то я *не ручаюсь за последствия!*» [3. С. 171].

Акты требования и запрета, выражающие речевую агрессию в коммуникативном поведении американцев, имеют краткую императивную форму, что пред-

полагает ожидание адресантом быстрого выполнения или прекращения действия адресатом. При этом для передачи категоричности высказыванию адресант может повторно использовать один и тот же речевой акт, ср.:

“Stop! I said stop!” — обращение мужа к жене [22. P. 55].

«Прекрати! Я сказал „прекрати“!»

“Don’t give it tome! Don’t!” — обращение девушки к своему молодому человеку [19].

«Не дари мне это! Не дари!»

Характерным маркером речевой агрессии, выражаемой актом запрета в коммуникативном поведении американцев, является местоимение 2-го лица ‘you — ты’, подчеркивающее категоричность высказывания, которое в рамках данного контекста мы можем перевести на русский язык лексемой «не смей», усиливающей форму воздействия адресантом на поведение адресата, ср.:

“Don’t you touch me!” — обращение жены к мужу [22].

«Не смей ко мне прикасаться!»

Основным критерием проявления имплицитной агрессии в актах требования и запрета, функционирующих в коммуникативном поведении русских, является повышенная интонация. При этом речевые акты двух данных типов сопровождаются междометиями «ну-ка!», «а ну!» и т.д., а также наречиями «быстро», «немедленно», которые усиливают эмоциональный оттенок, ср.:

Прекрати *немедленно!* (Устная речь.)

Одним из характерных маркеров речевой агрессии, выражаемой актом требования в коммуникативном поведении русских, является совершенный вид глагола, что предполагает ожидаемый результат действия от адресата, ср.:

«Ну-ка, быстро *повесила* трубку!» [17. С. 48].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в каждой лингвокультуре существуют свои критерии оценки агрессивности высказывания, определяющие коммуникативные нормы, которые позволяют различать позитивное и негативное поведение.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. — СПб.: Норинт, 2000.
- [2] *Борисова И.Н.* Русский разговорный диалог. — Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001.
- [3] *Вильмонт Е.* Проверим на вшивость господина адвоката. — М.: Астрель-Аст, 2008.
- [4] *Воронцова Т.А.* Речевая агрессия в русском языке: Дисс. ... д-ра филол. наук. — Челябинск, 2006.
- [5] *Енина Л.В.* Катарсический характер речевой агрессии в сверхтексте и источники ее смягчения // Вопросы стилистики. Человек и текст. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1998. — Вып. 28.
- [6] *Клюев Е.В.* Речевая коммуникация: Учеб. пособие. — М.: РИПОЛКЛАССИК, 2002.

- [7] Михальская А.К. Основы риторики. Мысль и слово: Учеб. пособие для 10—11 классов общеобразовательной школы. — М.: Просвещение, 1996.
- [8] Михеева Н.Ф. Выражение агрессии в речевом общении // V Степановские чтения: язык в современном мире (на материале романо-германских и восточных языков). — М.: Изд-во РУДН, 2005.
- [9] Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах / Под ред. А.Е. Кибрина и А.С. Нариньяки. — М.: Наука, 1987.
- [10] Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1986. — Вып. 17.
- [11] Прыткина Э. Happy life навсегда. — М.: Астрель, 2010.
- [12] Седов К.Ф. Речевая агрессия в межличностном взаимодействии // Прямая и непрямая коммуникация. — Саратов: Колледж, 2003.
- [13] Серль Дж. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1986. — Вып. 17.
- [14] Стернин И.А. О понятии коммуникативного поведения. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989.
- [15] Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. Н.Н. Кожинной. — М.: Флинта: Наука, 2003.
- [16] Швейцер А.Д. Социолингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1990.
- [17] Шилова Ю. Казнь для соперницы. — М.: Астрель, 2010.
- [18] Щербинина Ю.В. Вербальная агрессия. — М.: Наука, 2001.
- [19] Allen W., Brickman M. Annie Hall. — New York: Bantam Press, 2000.
- [20] Fogle E. Just married... with children. — New York: Warner Books, 2002.
- [21] Katzenbach J. The analyst. — New York: Bantam Press, 2002.
- [22] Sheldon S. Bloodline. — New York: Warner Books, 2000.

LITERATURA

- [1] Bolshoy Tolkovy slovar russkogo yazyka / Pod red. S.A. Kuznetsova — SPb.: Normint, 2000.
- [2] Borisova I.N. Russkiy razgovorny dialog. — Yekaterinburg: Izd-vo Uralskogo un-ta, 2001.
- [3] Vilmont E. Proverim na vshivost gospodina advokata. — М.: Astrel-Ast, 2008.
- [4] Vorontsova T.A. Rehevaya agressia v russkom yazyke: Diss. ... d-ra filol. nauk. — Chelyabinsk, 2006.
- [5] Yenina L.V. Katarsicheskiy harakter rechevoy agressii v sverhtexte i istochnik ieyo smyagcheniya // Voprosy stilistiki. Chelovek i text. — Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1998. — Vyp. 28.
- [6] Khuyev E.V. Rehevaya kommunikatsia: Ucheb. posobie. — М.: RIPOLKLASSIK, 2002.
- [7] Mikhalskaya A.K. Osnovy Ritoriki. Mysli Slovo: Ucheb. posobie dlya 10—11 klassov obshchego obrazovatelnoy shkoly. — М.: Prosveshchenie, 1996.
- [8] Mikheyeva N.F. Vyrazhenie agressii v rechevom obshchenii // V Stepanovskii chteniya: yazyk v sovremennom mire (na materiale romano-germanskih i vostochnyh yazykov). — М.: Изд-во RUDN, 2005.
- [9] Modelirovanie yazykovoy deyatelnosti v intellectualnykh sistemah / Pod red. A.E. Kibrina i A.S. Narinyaki. — М.: Nauka, 1987.
- [10] Austin J. Slovo kak deystviye // Novoye v zarubezhnoy linguistike. — М.: Progress, 1986. — Vyp. 17.
- [11] Pрыtkina E. Happy life navsegda — М.: Astrel, 2010.
- [12] Sedov K.F. Rehevaya agressia v mezhlchnostnom vzaimodeystvii // Pryamaya i nepryamaya kommunikatsia. — Saratov: Izd-vo GUNTS 'kollege', 2003.

- [13] *Searl J.* Chtotakoyerechevoy act? // *Novoye v zarubezhnoy linguistike*. — M.: Progress, 1986. — Вып. 17.
- [14] *Sternin I.A.* О понятии коммуникативного поведения. — Воронеж: Izd-vo Voronezh. un-ta, 1989.
- [15] *Stilisticheskiy encyclopedicheskiy slovar russkogo yazyka / Pod red. N.N. Kozhinoy*. — M.: Flinta: Nauka, 2003.
- [16] *Shveytser A.D.* Sociolinguistika // *Linguisticheskiy encyclopedicheskiy slovar*. — M.: Sovetskaya Encyclopedia, 1990.
- [17] *Shilova Y.* Kazn dlya sopernitsy. — M.: Astrel, 2010.
- [18] *Shcherbinina Y.V.* Verbalnayaagressia. — M.: Nauka, 2001.
- [19] *Allen W., Brickmah M.* Annie Hall. — New York: Bantam Press, 2000.
- [20] *Fogle E.* Just married... with children. — New York: Warner Books, 2002.
- [21] *Katzenbach J.* The analyst. — New York: Bantam Press, 2002.
- [22] *Sheldon S.* Bloodline. — New York: Warner Books, 2000.

THE SPECIFIC FORMS EXPRESSING VERBAL AGGRESSION IN THE AMERICAN AND RUSSIAN BEHAVIOR

O.V. Maslova

Department of foreign languages
I.M. Sechenov First Moscow state medical university
Trubetskaya, 8/2, Moscow, Russia, 119991

The article deals with theoretical premises describing verbal aggression in the American and Russian communicative behavior and on the basis of American and Russian literature works of the XXI century speech acts of aggression are analysed.

Key words: verbal aggression, verbal behavior, speech act, communicative norm.